

Цели и идеологическое обоснование глобального терроризма

С.С. Веселовский

В статье предпринята попытка анализа целей и идеологического обоснования современного глобального терроризма. Рост террористической активности под исламистскими лозунгами явился результатом внутренних проблем мусульманских стран и следствием недальновидной политики других государств, в первую очередь западных. Поэтому стратегия борьбы с терроризмом должна заключаться как в преодолении внутренних политико-экономических трудностей мусульманского мира, так и в адаптации современной политической системы мира к новым реалиям международно-политического развития. Без этого невозможно будет сократить базу поддержки террористических движений и, в конечном итоге, маргинализировать и минимизировать их деятельность.

Рубеж XX и XXI веков, несомненно, войдет в историю как время больших перемен в области международных отношений и мировой политики. Распад Ялтинско-Потсдамской системы, ознаменовавший окончание периода противостояния между СССР и США, повлек за собой резкое изменение соотношения сил на мировой арене. Стал стремительно набирать обороты процесс глобализации, а на мировой арене все большее значение приобретать деятельность негосударственных акторов мировой политики. На мировой арене появились новые акторы международных отношений, как, например, транснациональные корпорации, неправительственные международные организации, внутригосударственные регионы и даже отдельные индивиды¹.

Государство, оставаясь ведущим актором на мировой арене, уже более не обладает монополией на международную деятельность, как это было ранее.

Более того, целый ряд государств уже проигрывают по своему экономическому потенциалу крупным транснациональным компаниям². Новые транснациональные акторы мировой политики привнесли с собой, однако, и новые вызовы и угрозы международной безопасности, ранее либо считавшиеся второстепенными, либо не существовавшие вовсе. Это, например, международные криминальные сети, наркоторговля, сбыт оружия и расщепляющихся материалов и т.д.

Особое место в этом списке занимает транснациональный терроризм, получивший наибольшее распространение в конце 1990-х — начале 2000-х. События 11 сентября 2001 г. в США, ставшие наиболее масштабными террористическими актами за всю историю человечества³, наглядно продемонстрировали неподготовленность мирового сообщества к отражению угрозы нового глобального терроризма, ведущего свою борьбу сразу во многих странах мира и ставящего перед собой масштабные задачи переустройства мира. И хотя интернационализация террористической деятельности не является нововведением, поскольку терроризм и раньше выходил за пределы границ национальных государств, тем не менее современный глобальный терроризм обладает важной особенностью, отличающей его от проявлений террористической активности прошлых лет.

В условиях кризиса Вестфальской политической системы мира, в основе которой находится модель национального государства, отдельными радикальными группами выдвигается альтернативный проект мирового устройства, опирающийся на исламские ценности и продвигаемый террористическими методами⁴. Именно переустройство политической системы мира является долгосрочной стратегической целью террористической организации «Аль-Каида» и ее последователей в различных частях мира⁵.

Веселовский Сергей Сергеевич — кандидат политических наук, доцент кафедры мировых политических процессов, начальник Управления магистерской подготовки МГИМО(У) МИД России.

Само по себе наличие конкурирующих идей будущего политического устройства мира представляется вполне нормальным явлением. В частности, на рубеже XIX и XX веков выдвигалась идея всемирного справедливого коммунистического общества, также представлявшая собой альтернативу государственно-центричной системе мира, так как предполагала, в конечном итоге, отмирание самого института государства. Успех Октябрьской социалистической революции 1917 г. в России породил уверенность, что «мировая революция» свершится в ближайшее время и принесет с собой глобальные изменения. Но когда к середине 1920-х годов стало очевидным, что разрозненная деятельность революционеров в разных странах не может раздуть «мировой пожар» и объективные предпосылки к «мировой революции» отсутствуют⁶, в СССР перешли от данной идеи к планам построения социализма в отдельно взятой стране. Это заложило основу для нормализации отношений Советского Союза с западными странами и привело к «полосе признаний». Л.В. Троцкий, считавший, что медлить с осуществлением мировой революции нецелесообразно, был сначала выслан из страны, а позже и убит агентом НКВД в Мексике.

Для лучшего понимания условий возникновения современного проекта мирового переустройства необходимо более пристально взглянуть на объективные проблемы и трудности, существующие сегодня в мусульманском мире, где он и вызрел:

- во-первых, на внутривнутриполитическом уровне к этому вели неудовлетворенность происходящим процессом модернизации, экономическая отсталость и стагнация, значительное имущественное расслоение в мусульманских общинах, забвение вестернизированной элитой идеалов и ценностей исламской религии⁷;
- во-вторых, фундаменталистские круги мусульманских стран не устраивала роль статистов, которая, несмотря на богатую культуру и историю, а также значительные запасы энергетических ресурсов, столь востребованных в современной мировой экономике, отводилась исламским государствам в современных мирополитических процессах;
- расширение ареала активно продвигаемых западных ценностей часто рассматривается в исламских кругах как целенаправленные попытки подмены традиционных мусульманских идеалов. Политика западных стран, прежде всего США, предпочитающих в ряде случаев действовать на международной арене с позиции силы, также не может не вызывать обеспокоенности мусульманского мира, у которого нет адекватного ответа западной военной мощи.

В этой ситуации и рождается внесистемная оппозиция существующей мировой вестернизированной политической системе в виде радикального движения, стремящегося террористическими методами изменить

сложившуюся ситуацию, чтобы вернуть в краткосрочной перспективе политико-экономическую значимость мусульманским странам, а в долгосрочной перспективе — создать глобальный исламский халифат. Помимо явных последователей исламистских террористов, стремящихся к реализации именно альтернативной политической системы мира в виде всемирного исламского государства, существует еще и значительное число лиц, не разделяющих их конечных целей, но сочувствующих их борьбе за восстановление величия мусульманского мира. Ибо они не видят сегодня иных возможностей для изменения сложившейся в мире ситуации.

Если идея мировой революции начала XX века основывалась на коммунистической идеологии, то современный транснациональный терроризм черпает свое вдохновение из исламской религии, что затрудняет борьбу с ним. Необходимо определить причины, по которым именно мусульманское общество стало питательной средой для терроризма и почему именно исламским халифатом они предлагают заменить существующую систему национальных государств.

На сегодняшний день каждый пятый житель земли исповедует ислам. Эта религия децентрализованного типа, где многие аспекты религиозной жизни остаются на усмотрение клерикальной власти на местном или региональном уровнях, что позволяет интерпретировать Коран через различные культурные призмы⁸. Однако ислам — это не только религия, а нечто большее. Как отмечает, например, известный американский исследователь ислама Дж. Эспозито, «для большинства мусульман ислам есть всеобщий образ жизни... Ислам для них неотделим от политики, законодательства, образования, общественной жизни и экономики»⁹.

По словам другого исследователя, Анвара Абд аль-Малека, «ислам представляет собой скорее социальную концепцию национального порядка, общественной эволюции, прогресса, нежели обычное религиозное течение»¹⁰. С этим соглашается и Д. Пайпс, который пишет: «В отличие от христианства, ислам располагает целостной программой для организации общества»¹¹. Фазлур Рахман в этой связи отмечает, что Коран, не является сводом законов, а скорее моральным кодексом, на базе которого можно создать правовую систему¹². По мнению А.В. Малашенко, «обмирщенность свойственна всем араамическим религиям. Однако в исламе она выглядит наиболее последовательной и радикальной»¹³. Ведь исламизм как «политическая активность под эгидой религии»¹⁴ возник именно потому, что мирское и религиозное в исламе неразобщены, а, наоборот, являются единым целым. Таким образом, можно констатировать, что ислам, в отличие от других вероисповеданий, предполагает и создание совершенно определенной формы общественной жизни, отвечающей основным положениям этой религии.

В отличие от христианства, ислам не пережил эпоху Возрождения, которая дала бы почву для

интеллектуального соперничества. Мусульманская интеллектуальная деятельность была подавлена еще в X веке, в результате чего ислам остался с предсредневековым доктринальным наследием. Нынешнее поколение мусульман и не пытается применить метод исторического критицизма к священным писаниям и тщательно оберегаемым традициям, а возрождение ислама предлагает проводить на базе давно устаревших положений, накопленных за века интеллектуального голода¹⁵. Более того, ислам, запрещая ростовщичество в современном капиталоемком мире, обрекает своих последователей на экономическую отсталость¹⁶.

Что касается дискуссий относительно пути развития мусульманского сообщества (уммы), то они строятся вокруг двух основных направлений — религиозного фундаментализма и светского модернизма. Они оформились после частичного захвата Египта Наполеоном в 1798 г., что стало небывалым потрясением для Оттоманской империи и всего мусульманского мира¹⁷. В ответ на этот кризис были предложены два пути его преодоления. Первый из них продвигал идеи модернизации: Ближний Восток защитит себя, «догнав» Запад прежде всего в области военной науки и технологиях. Второй опирался на фундаментализм: Ближний Восток оградит себя от нападений, возвратившись к чистому исламу седьмого века, т.е. ко временам пророка Мухаммеда и его последователей.

Фундаментализм, который сегодня называют исламизмом или «политическим исламом», сосредотачивает основное внимание на всемирном исламском сообществе (умме). Он призывает к установлению исламского закона (шариата), возвращение к халифату, контролю за образованием со стороны религиозных властей, а также выступает за «традиционную» (сохранение домашнего очага и воспитание детей) роль для женщин. Свою политическую легитимность он черпает из священных писаний, где пытается найти исламские решения современных проблем. В своем современном виде фундаментализм имеет много ярых сторонников и используется, в частности, для оправдания террористической деятельности.

Светский модернизм иногда также называют светским национализмом или, в арабских странах, арабским национализмом. Основная его характеристика заключается в том, что решения современных проблем он ищет вовне, преимущественно в западном мире. В своем современном виде он характеризуется упором на какую-то отдельную национальную общность, будь-то арабское сообщество в целом или иракское, египетское и т.д. Его политическая легитимность основана на нововведениях и науке. Он приемлет западные идеологии, как например социализм, элементы парламентской демократии, светское образование западного типа, отдельные социальные реформы и более свободные формы одежды. Он допускает и даже поддерживает ограниченное участие женщин в общественной жизни, включая государственное управление.

Эти два варианта развития исламского мира не являются взаимоисключающими. Ислам является элементом идеологической платформы модернизма, но не является ее основанием. Фундаменталисты же готовы принять западные оружейные технологии и достижения западной медицины так же, как и новейшие средства телекоммуникаций, как, например, Интернет, чего никак нельзя сказать о светской западной системе образования, а также политических и социальных реформах. Объединены они нелюбовью к либерализму, который исламизм не приемлет за индивидуализм, разделение власти и церкви, гражданское общество, управляемое светскими законами, свободный выбор вероисповедания, а светский национализм за пропаганду открытого общества и ограниченной роли правительства, за подотчетность правительства избирателям и за свободный выбор политических пристрастий.

Если говорить об успешной модернизации в мусульманском мире, то ее ранние примеры включают принятие на вооружение Оттоманской империей в XV веке стрелкового оружия, пришедшего из Китая. Другие примеры модернизации, понимаемой как сокращение разрыва с Западом, можно проследить в разные временные периоды, в частности, в попытках Оттоманской империи перенять австрийские военные технологии после неудачной осады Вены в 1683 году¹⁸. С XIX века ближневосточные лидеры использовали свою власть для осуществления широкомасштабных экономических, образовательных и социальных реформ.

Первой страной, где была проведена всеобъемлющая модернизация, стал Египет. В рамках модернизационной кампании «Новый порядок» были созданы современная профессиональная армия и современные образовательные институты, включая медицинские, ветеринарные и инженерные. Наиболее одаренные студенты и исследователи были отправлены в Европу для изучения европейских научных, технических и экономических нововведений. Государственные средства использовались для развития инфраструктуры, включая дороги, каналы и порты. Также были созданы государственные монополии для ускоренного развития производства различных культур, направляемых на экспорт, в частности, хлопка. Эти реформы были настолько успешными, что Египет стал ведущей в военном и экономическом аспектах державой Ближнего Востока, получив даже возможность угрожать своему номинальному суверену — оттоманскому султану.

Что касается фундаментализма, то его ранним представителем был ученый XIV века Таки аль-Дин ибн Таймийя из Дамаска, который говорил о необходимости возвращения к основополагающим текстам ислама — Корану и хадису (собрание высказываний и дел пророка Мохаммеда) накануне разорительного вторжения монголов. Другим примером является вахабистское течение середины XVIII века, созданное

реформистки настроенным суннитским клериком Мухаммедом Абд аль-Ваххаб. Он хотел очистить ислам от современных добавлений и также вернуться к текстам Корана и хадизы. Ваххабиты сопротивлялись тому, что их лидеры называли «сползанием» в неверие.

В последнее время соперничество фундаментализма и светского национализма особо заметно на Ближнем и Среднем Востоке. Современные светские режимы существуют в Египте, Ливии, Пакистане, Сирии. Светский режим был и при Саддаме Хуссейне в Ираке. Исламистские режимы включают Иран, Саудовскую Аравию и Афганистан при движении «Талибан». Однако, во многих светских режимах существует внутренняя фундаменталистская оппозиция. Так правительству Египта во главе с президентом Хосни Мубараком бросает вызов исламистская организация «Братья мусульмане». Палестина, по сути, разделена между светским националистическим движением «Организация освобождения Палестины» и исламистскими группами «Хамас» и «Исламский джихад».

В Ливане сосуществуют как светские христиане и мусульмане-суниты, так и исламисты, группирующиеся вокруг движения «Хезболла». По мнению Зейно Барана, «... Запад пытаются втянуть в столкновение между двумя соперничающими идеологиями в исламском мире. Сторонники первой идеологии верят в то, что ислам можно совместить со светской демократией и основными гражданскими свободами. Сторонники второй привержены идее замены существующей мировой системы новым халифатом, т.е. глобальным исламским государством»¹⁹.

Крайним проявлением фундаментализма является «исламистский терроризм», возникший задолго до появления «феномена Осамы бен Ладена». Как пишет А.В. Кудрявцев, большинство экстремистских групп, выступающих под знаменем ислама, ведут свое происхождение от «Общества братьев мусульман», которое основал в конце 20-х годов XX века в Египте Хасан аль-Банна²⁰. Возникнув как религиозная организация по «исправлению нравов» мусульман, «Братья-мусульмане» быстро превратились в подобие политической партии с четкой идеологией. «В исламе религия неотделима от государства, от политики. Истинный мусульманин не тот, кто только молится Аллаху. Он должен жить проблемами всего мусульманства и бороться за то, чтобы окружающее общество жило по шариату, а единственной конституцией государства был Коран»²¹, — писал аль-Банна.

Не вызывает сомнения, что создание общемусульманского, тем более всемирного исламского государства на сегодняшний день невозможно²². Тем не менее, исламисты «попытались сформировать конфедерацию своих единомышленников во многих мусульманских странах и обществах»²³. На настоящий момент существует не менее полутысячи объединений сектантского типа, самые известные из которых:

— «Аль-Каида» и «Всемирный фронт борьбы против иудеев и крестоносцев», созданные

Осамой бен Ладеном в 1988 и в 1998 годы соответственно;

- египетские «Аль-джихад», «Аль-Джамаа аль-Исламия»;
- действующая в Ираке «Ансар аль-ислам»;
- «Исламское движение Узбекистана» и т.д.

Этот терроризм правомерно квалифицировать как исламистский, поскольку он связан с деятельностью именно экстремистских группировок и вписывается в логику радикальных течений исламской религии. Многие террористические группы Ближнего Востока, в частности, «Аль-Каида», «Хамас», «Хезболла» и палестинский «Исламский джихад» используют в своей деятельности риторику радикальной интерпретации ислама — ваххабизма, стремясь навязать эту версию ислама ближневосточным автократиям, которые, якобы, предали истинную мусульманскую веру.

Согласно лидеру «Аль-Каиды» Осаме бен Ладену, все беды исламского мира исходят от слабых и коррумпированных режимов, которые и виновны в упадке всемирного мусульманского сообщества. Власть их слаба потому, что они переняли западные ценности и отошли от праведного исламского пути. В доказательство того, что лидеры мусульманского мира не смогли уберечь территорию ислама от иностранного вторжения, приводятся результаты «шестидневной войны», израильская оккупация Палестины, присутствие иностранных войск на саудовской земле и других мусульманских территориях. Решение всех проблем видится в возвращении к чистому исламу, предлагающему целостное видение общественной и политической жизни²⁴.

Здесь необходимо сделать оговорку, что «Аль-Каида» и ее последователи придерживаются ислама суннитского толка, на базе которого и строят свои воззрения. Справедливости ради надо отметить, что в шиитском исламе также развивались концепции «исламского» государства и правительства, в частности, в трудах Аятолла Хомейни, проповедовавшего, в том числе, идею развертывания «исламской революции» во всем мире²⁵.

Для террористов, однако, стояла проблема выбора объекта террористических атак: это либо ближний враг в лице местных властей, либо дальний — США. Руководство «Аль-Каиды» в 1990-е годы считало, что начать необходимо именно с США, так как если они откажутся от поддержки коррумпированных мусульманских режимов, то с ними легко будет справиться. Уверенности в положительном исходе своих действий им добавляло развитие ситуации в Сомали в 1990-х годах, откуда США спешно эвакуировали свои вооруженные силы после того, как их потери достигли неприемлемого для американского общества уровня. Бен Ладену и его окружению казалось, что Америке достаточно нанести один сокрушительный удар, чтобы заставить их отказаться от поддержки прозападных режимов в мусульманском мире. Борьбу мусульман с Америкой Осам бен Ладен представлял как оборонительный джихад. Действия

«Аль-Каиды», таким образом, являлись ответом на неспровоцированную агрессию Запада по отношению ко всему исламскому сообществу (умме), которое и необходимо защитить²⁶.

В то же время организация «Братья-мусульмане» считала, что, наоборот, начинать борьбу надо с ближним противником, с «пробуждения» уммы путем проведения разъяснительной работы. В последние годы этой же тактики стала придерживаться и «Аль-Каида». Определяя в качестве стратегической цели создание исламского государства (халифата) на основе радикальной исламистской идеологии и повсеместного введения законов шариата, террористы борются за этот проект. И эта борьба, по мнению отечественных исследователей А. Малашенко и Д. Тренина, на неопределенно длительное время останется существенным фактором мировой политики²⁷.

Как и в любой другой религии, в исламе сочетаются различные, не всегда совместимые друг с другом, ценностные установки, есть и немало противоречивых положений. Как указывает Г.И. Мирский, в Коране, в зависимости от перевода и толкования, при желании можно найти воинственные по сути высказывания. Например, распространенное понимание того же «джихада» как «священной войны против неверных», дающей мусульманам право и даже вменяющей в обязанность вести борьбу против немусульманского мира всеми средствами, вплоть до террора, является откровенно искаженным.

Буквально слово «джихад» означает «наивысшее усилие» и осмысливается исламскими идеологами и толкователями Корана как борьба во имя распространения и защиты ислама. Это может включать в себя (а может и не включать) вооруженную борьбу с неверными²⁸. Как подчеркивает Дж. Эспозито, «термин «джихад» имеет множество смыслов, включая призыв вести праведную жизнь, делать общество более моральным и справедливым, распространять ислам проповедью, учением или путем вооруженной борьбы... В самом общем смысле «джихад» обозначает борьбу против зла и дьявола, самодисциплину, при помощи которой верующие стремятся следовать воле Бога... Это — делящаяся в течение всей жизни борьба за то, чтобы быть добродетельным, быть верным прямому пути, указанному Богом»²⁹.

Для исламистов же джихад — это борьба с безбожным материалистическим западным миром. Однако корни их ненависти к Западу носят не столько религиозный, сколько психологический и геополитический характер. Также следует четко различать исламский радикализм и исламский фундаментализм. Ясно, что фундаментализм может быть присущ любой религии и вовсе не является «прерогативой» ислама. Вместе с тем, возникает вполне закономерный вопрос: почему сегодня международные террористы представляют, как правило, исламскую религию, а не какую-либо другую?

Г.И. Мирский выделяет три круга настроений (от более широких до более узких), которые лежат в основе мотивации современных террористов — антизападные, антиамериканские и антиизраильские настроения³⁰:

- антивестернизм — это прямое следствие и/или сохранение в новой форме духа противостояния колониализму, который остается в менталитете народов Азии и Африки и по сей день. Еще недавно колонизатор-захватчик, Запад вновь стал врагом-оккупантом, но уже в сфере культуры, нравов, идей;
- антиамериканизм имеет не только политические и экономические, но и культурные, психологические и религиозные корни. Для исламистов США представляют собой воплощение и квинтэссенцию всего зла, которое они видят в Западе, и поразить Америку означает одержать решающую победу в борьбе за дело Аллаха;
- антиизраильские настроения — третий круг настроений, лежащих в основе мотивации современных исламистских террористов. Они непосредственно связаны с трагедией палестинских арабов в результате образования государства Израиль и многочисленных поражений в войнах с ним, породивших сильнейший комплекс неполноценности.

Таким образом, именно мусульманская общность явилась той питательной средой, которая, в силу ряда социально-экономических, психологических и иных причин, сделала террор на международном уровне единственно возможным средством борьбы с западной системой ценностей, включая политическую систему мира как таковую. Экстремизм и терроризм в исламском мире проистекают не из самого ислама, а из суммы факторов, определяющих благоприятную почву для терроризма в ряде государств этого мира.

На сегодняшний день существует целый ряд подходов к объяснению причин возникновения транснационального террористического движения именно в мусульманском мире, но среди высказываемых гипотез можно выделить три основных, на которые, в частности, обращает свое внимание М.М. Лебедева, анализируя принципы развития конфликтов XXI века, к которым она относит и современный транснациональный терроризм³¹. Первая из этих гипотез исходит из существования между западными и исламскими мирами фундаментальных непримиримых ценностных противоречий. Она преимущественно основывается на идее возможного межцивилизационного конфликта, выдвинутой американским политологом Самуэлем Хантингтоном на страницах журнала «Foreign Affairs» в 1993 году в статье «Столкновение цивилизации?»³². Если истоки современной угрозы транснационального терроризма действительно находятся в ценностной плоскости, то побороть эту угрозу в краткосрочной перспективе вряд ли удастся.

Близкой к идее С. Хантингтона о «столкновении цивилизаций» можно считать и предположение, что транснациональный терроризм является реакцией отторжения на происходящий в мире процесс вестернизации. Она, в отличие от глобализации, является достаточно старым явлением, подразумевающим под собой распространение социальных, экономических и политических современных западных ценностей и структур в мире (капитализма, рационализма, индустриализации, бюрократизма, языка, культуры и т.д.), в первую очередь американской. Процессы вестернизации мешают развитию местных культур, подавляют идентичность. Действия исламского фундаментализма, идеологически подпитывающего транснациональный терроризм, возможно, являются реакцией на попытку вестернизации мусульманского мира со стороны западных стран и, прежде всего, США;

Вторая гипотеза генезиса причин появления транснационального терроризма связана с экономикой. Согласно этой гипотезе, террор является реакцией на возрастающий разрыв между бедными и богатыми странами, который обусловлен процессами современной глобализации³³. Низкий уровень образования и бедность, что характерно для развивающегося мира, становятся главным барьером и помехой в приобщении его представителей к преимущественно компьютерным технологиям³⁴ информационного общества. При этом глобальность рынка обеспечивает всеобщую и небывалую остроту конкуренции, в которой выигрывают в первую очередь развитые страны.

Как результат, современные процессы приводят к ухудшению условий существования основной (и при этом все время увеличивающейся) части человечества за счет ускорения развития и роста благосостояния его абсолютного меньшинства, т.н. «золотого миллиарда». В силу особенностей исторического развития наибольшая часть бедного населения сегодня проживает именно в мусульманских странах. Если разрыв между 20% беднейшей и 20% самой богатой частями мирового населения в XIX веке составлял 3 единицы, то сегодня он достиг 86³⁵. В результате современный мир стал подобен пирамиде: вершина — группа высокоразвитых индустриальных государств, ниже — страны среднего уровня. Вместе они составляют всего одну десятую человечества. Внизу пирамиды — девять десятых населения Земли, проживающих в развивающихся странах.

Именно в них появились и активизировались силы, которые воспринимают такую цивилизационную конструкцию как социально несправедливую. Не имея возможности применить легитимные способы борьбы с формирующимся мировым порядком, и в силу своего исторического, политического и социального развития, а также явного превосходства западной военной машины, они выбирают террористический метод, мотивируя это необходимостью защиты исламских ценностей. Однако здесь связь непосредственно с исламом менее очевидна, так как

это больше связано с социально-экономическим положением мусульман, условиями их жизни, которые ежедневно воспроизводят питательную среду для произрастания и укрепления чувства несправедливости. Социальное расслоение и политический раскол в обществах различных стран мира отбросили большинство населения в разряд социальных изгоев и породили огромную массу маргиналов, которые создают базу для формирования транснационального террористического «интернационала».

Таким образом, терроризм против США и западного мира можно рассматривать как форму протеста против глобализации, которую западные страны активно пропагандируют, и растущего мирового социально-экономического расслоения³⁶. Однако не стоит переоценивать значимость данного фактора, тем более его абсолютизировать. Транснациональный терроризм рожден далеко не нищетой и не стремлением обездоленных добиться более высокого уровня жизни. Как пишет Г.И. Мирский, «Проблематика нищеты и материальной отсталости не занимает в идеологии экстремистов центрального места, да и сами они не относятся к выходцам из беднейших слоев населения»³⁷;

Третья выдвигаемая гипотеза сводится к тому, что причины транснационального терроризма кроются в ответной реакции на гегемонистскую, одностороннюю и часто несправедливую внешнюю политику США, и это вызывает недовольство во многих частях современного мира³⁸. М. Креншо, например, считает, что современные проявления терроризма — это результат экспансии гражданской войны в мировой системе³⁹.

По ее мнению, большая подверженность США проявлениям транснационального терроризма стала результатом их усиливающегося влияния за рубежом, а террористические атаки на интересы США — попыткой добиться радикальных политических изменений в других странах. М. Креншо рассматривает террористические акты и, в частности, события 11 сентября, как «стратегическую реакцию на американское влияние в контексте глобализовавшейся гражданской войны»⁴⁰.

Транснациональный терроризм является, безусловно, крайне сложным феноменом, причины которого носят комплексный характер. Современные террористы выступают с альтернативным проектом мирового политического устройства, считая существующий порядок несправедливым, прежде всего по отношению к быстроразвивающемуся и активно растущему мусульманскому сообществу народов. Появление такого проекта, который и пытаются реализовать транснациональные террористы, может быть вызвано как непримиримыми межцивилизационными противоречиями, так и увеличивающимся разрывом между бедными странами, многие из которых находятся в мусульманском мире, и богатыми государствами, использующими все преимущества глобализирующегося мира. К этому можно добавить

также несправедливую гегемонистскую внешнюю политику западных стран во главе с США по отношению к исламским государствам. И действительно, многие американские внешнеполитические теории — от «нового мирового порядка» Джорджа Буша-старшего в 1990-х годах и до желания неоконсерваторов повсеместного установления демократии отражают веру в универсализм западной политической системы, добиваться торжества которой можно и силовыми методами⁴¹.

Современный терроризм является и отголоском внутреннего противостояния в исламском мире между умеренным светским национализмом и исламистским фундаментализмом. На сегодняшний день эти внутренние противоречия исламской уммы явно недооценены. Администрация Джорджа Буша-младшего совершила большую ошибку, решив одновременно бороться и с «Аль-Каидой» и с Ираком Саддама Хусейна. То же можно сказать и о Израиле, который в одинаковой мере противостоит и «Организации освобождения Палестины», и «Хамасу».

Террористическая деятельность, развиваясь на протяжении всей истории человечества, сегодня стала представлять собой принципиально новое явление. На международном уровне еще не пришло осознание того, что транснациональный терроризм представляет угрозу современной государствоцентричной политической системе мира, т.е., в конечном итоге, угрозу существованию национальных государств. В этой связи наиболее уязвимыми должны чувствовать себя светские мусульманские режимы, так как они, по мнению террористов, действуют по указке западных стран и подлежат замене на истинно исламские режимы⁴².

В краткосрочной перспективе надо выявлять нестыковки в идеологии исламистов, показывать их несостоятельность⁴³. Массовые жертвы среди мусульманского населения в результате террористических актов также позволяют делегитимизировать деятельность террористов, так как они оправдывают свое существование ни чем иным, как необходимостью защиты уммы. В долгосрочной же перспективе необходимо признать, что без разрешения политико-эко-

номических и социально-цивилизационных проблем, приведших к возникновению транснационального терроризма, борьба с ним никогда не будет в полной мере успешной. Как отмечает М.М. Лебедева, «если различные условия, порождающие социальную базу терроризма (например, ликвидация значительного социального неравенства, в том числе между «глобальным Севером» и «глобальным Югом»), все-таки учитываются при разработке контртеррористических мероприятий, то проблема выстраивания политической системы мира более адекватной современным реалиям вообще практически не входит в число рассматриваемых проблем противодействия»⁴⁴.

Для эффективной борьбы с терроризмом необходимо создавать весь комплекс антитеррористических мер вокруг одного центрального элемента — модернизированной политической системы мира. «Именно исходя из этого необходимо выстраивать военные, психологические, экономические и другие меры борьбы с терроризмом» — констатирует М.М. Лебедева⁴⁵.

Кроме того, надо будет также найти приемлемую для всех формулу, чтобы попытки реформировать политическую систему мира, если они все-таки будут предприняты в недалеком будущем, не выглядели как уступка террористам, а рассматривались как объективная необходимость современного этапа мирового развития.

Summary: The article presents an analysis of goals and ideological justification of global reach contemporary terrorism. The rise of terrorist activity under islamite banners is a result of both Muslim countries' internal problems and other countries, mostly western, shortsighted policies. Therefore the strategy to fight terrorism should include the overcoming of internal political and economical issues of the Muslim world and adaptation of the contemporary political system to the new realities of international development. Otherwise it would be impossible to reduce the number of terrorist's sympathizers and eventually marginalize terrorist's activity.

Ключевые слова

транснациональный терроризм, исламизм, «Аль-Каида», политическая система мира

Keywords

global terrorism, islam, Al Qaeda, world political system

Примечания

1. Лебедева М.М. Мировая политика. — М.: Аспект Пресс, 2006. — С.73–86.
2. В частности, в 2002 г. компания «Дженерал моторс» продала продукции на 187 млрд. долл. США, что больше, чем ВВП целого ряда экономически развитых стран, например, Израиля и Ирландии. См. Лебедева М.М. Особенности политической структуры мира в конце XX — начале XXI вв. // Современные международные отношения и мировая политика. Отв. ред. проф. Торкунов А.В. — М.: Просвещение, 2004.
3. В башнях Всемирного торгового центра в Нью-Йорке погибли 2752 человека, из них 343 пожарных и 60 полицейских. В здании Пентагона погибло 184 сотрудника американского военного ведомства. New York, U.S. Commemorates Sept. 11 Anniversary With Ceremonies, Protests // Bloomberg News. — 2010. — September 11.; Top Military Officers Honors 9/11 Pentagon Victims // Associated Press. — 2010. — September 11.

4. Lebedeva, Marina M. The Terrorist Threat to the World Political System // *Connections*. — 2007. — Iss.1. — Winter.
5. См, например, Малашенко А. Исламская альтернатива и исламистский проект — М.: Весь мир, 2006; Esposito, John L. *Unholy war. Terror in the Name of Islam* — N.Y.: Oxford University Press, 2002.
6. В частности, потерпели неудачу революции в Германии, Финляндии, Венгрии и Болгарии.
7. Малашенко А. Исламская альтернатива и исламистский проект — М.: Весь Мир, 2006. — С.85.
8. Lester, Toby. What is the Koran? // *Atlantic Monthly*. — 1999. — Vol.283. — Iss.1. — January.
9. Esposito, John L. *Islam. The Straight Path* — N.Y.: Oxford University Press, 1991. — P.156–157.
10. Цит. по: Малашенко А. Исламская альтернатива и исламистский проект. — М.: Весь мир, 2006. — С.15.
11. Цит. по: Там же.
12. *Major Themes of the Qur'an* — Minneapolis, Minn.: Bibliotheca Islamica, 1980.
13. Там же. — С.14.
14. Там же. — С.46.
15. Rowley, Charles K. Terrorist attacks on Western civilization // *Public Choice*. — 2006. — Vol.128.
16. Тоже самое можно сказать и про иудаизм, до того, как он был переинтерпретирован с целью достижения экономического прогресса.
17. Harmon, Stephen A. Joseph and Pharaoh: Religious Fundamentalists and Secular Modernists // *Midwest Quarterly*. — 2008. — Vol.49. — Iss.2.
18. Там же.
19. Baran, Zeyno. Fighting the War of Ideas // *Foreign Affairs*. — 2005. — Vol.84. — Iss.6. — November/December. См. также Mapping the Global Future. Report of the National Intelligence Council's 2020 Project. December 2004. — Mode of access: <http://www.foia.cia.gov/2020/2020.pdf>
20. Кудрявцев А.В. Исламский терроризм: история болезни // *НГ Религии*. — 2002. — 19 июня.
21. Цит. по: там же.
22. Там же. — С.71–72.
23. Gregorian V. *Islam. A Mosaic, not a Monolith*. — Washington D.C.: Brookings Institute Press, 2004. — P.78.
24. Payne K. *Winning the Battle of Ideas: Propaganda, Ideology, and Terror* // *Studies in Conflict and Terrorism*. — 2009. Vol.32.
25. *Islam and Revolution. Writings and Declaration of Imam Khomeini*. Translated by Hamid Algar. — Berkley, CA: Mizan Press, 1981.
26. Brahimi A. *Crushed in the Shadows: Why Al Waeda Will Lose the War of Ideas* // *Studies in Conflict and Terrorism*. — 2010. — Vol.33.
27. Малашенко А., Тренин Д. *Время юга: Россия в Чечне, Чечня в России*. Московский Центр Карнеги — М.: Гендальф, 2002. — Глава 3.
28. Мирский Г.И. Дракон встает на дыбы (О международном терроризме) // *Мировая экономика и международные отношения*. — 2002. — №3.
29. Esposito, John L. *The Islamic Threat: Myth or Reality?* — N.Y.: Oxford, 1992. — P.32–33.
30. Мирский Г.И. Дракон встает на дыбы (О международном терроризме) // *Мировая экономика и международные отношения*. — 2002. — №3
31. См. Лебедева М.М. Рефлексия конфликтов: новое качество «старых» конфликтов // *Экономика и политика в современных международных конфликтах* / Отв. ред. А.Д.Богатуров. — М.: Издательство ЛКИ, 2008.
32. Huntington, Samuel P. *The Clash of Civilization?* // *Foreign Affairs*. — 1993. — Vol.72. — Iss.3. — Summer; Huntington, Samuel P. *The Clash of Civilization and the Remaking of World Order* — N.Y.: Simon and Schuster, 1996.
33. Мирский Г.И. Дракон встает на дыбы (О международном терроризме) // *Мировая экономика и международные отношения*. — 2002. — №3; Иноземцев В.Л. Глобализация по-американски как альтернатива вестернизации // *Космополис*. — 2003/2004. — № 4; Иноземцев В.Л. Терроризм как антипод глобализации // *Независимая газета*. — 2005. — 26 сентября.
34. Делягин М. 11 сентября 2001 года: завершение формирования постсоветского пространства // *Свободная мысль XXI*. — 2002. — №1.
35. *Мировой порядок после терактов в США: проблемы и перспективы*. Комитет внешнеполитического планирования и Институт прокризисных исследований, 2002. — Режим доступа: <http://oedipus.ru/bxod/read.php?name=tema&articlealias=world>
36. Подробнее см. Cronin, Audrey Kurth. *Behind the Curve: Globalization and International Terrorism* // *International Security*. — 2002/2003. — Vol.27. — Iss.3. — Winter.
37. Мирский Г.И. «Политический ислам» и западное общество // *Полис*. — 2002. — №1; Подробное исследование на тему взаимосвязи терроризма и бедности представлено в Piazza, James A. *Rooted in Poverty? Terrorism, Poor Economic Development, and Social Cleavages* // *Terrorism and Political Violence*. — 2006. — Vol.18.
38. См., например, Pillar, Paul. *Terrorism and U.S. Foreign Policy* — Washington D.C.: Brookings Institution, 2004.
39. Crenshaw, Martha. *Why America? The Globalization of Civil War* // *Current History*. — 2001. — December.
40. *Ibid.* — P.427.
41. Roberts, Adam. *International relations after the Cold War* // *International Affairs*. — 2008. — Vol.84. — Iss.2.
42. См. Anonymous (Scheuer, Michael). *Imperial Hubris: Why the West Is Losing the War on Terror* — Washington D.C.: Brassey's Inc., 2004. — P.210.
43. Gregg H. S. *Fighting the Jihad of the Pen: Countering Revolutionary Islam's Ideology* // *Terrorism and Political Violence*. — 2010. — Vol.22.
44. Lebedeva, Marina M. The Terrorist Threat to the World Political System // *Connections*. — 2007. — Iss.1. — Winter.
45. *Ibid.*